

вансь. Следовательно, этой маленькой группе калмыков в несколько сот человек предстоит полный отрыв от массы народа и, м.б., навсегда.

Перед нами три пути: 1) возвращение на родину хотя бы при большевиках. Но этот путь уже показал свою гибельность. Все возвращенцы высланы, посажены в тюрьмы, а кто и свободен, тот в условиях советского режима влечет самое жалкое, рабское, полуголодное, разутое и раздетое существование. Таким образом всяким неглупым человеком этот путь должен отвергаться.

2) другой путь: оставаться так, как сейчас есть: две-три сотни калмыков на тяжелых и плохо оплачиваемых работах в Сербии, в плохих жилищных условиях, в условиях медленной ассимиляции; три-четыре сотни во Франции, в условиях нездоровой фабрично-заводской работы, под угрозой безработицы и небезопасности завтрашнего дня; сотня людей в Болгарии в еще более худших условиях; несколько десятков в Чехии, из которых многие учатся, получают образование (единственный положительный фактор в жизни эмиграции); десяток, уже наполовину ополячившись, в еще более горших условиях в Польше. Никто не скажет, что такое положение при некоторой продолжительности сулит хорошее. Трудно себе представить, что получится из нас, скажем, еще через 10 лет такой рассеянной жизни. Денационализационный процесс в этом случае пойдет более быстрым темпом.

3) Третий путь: найти землю, поселиться большой массой вместе, независимо — где эта земля, хотя бы в Мексике. Есть, конечно, опасения, как бы мы там совсем не остались (это, конечно, только для тех, кому будет жалко бросить свое благоустроенное хозяйство). Но в этом случае наиболее вероятно, что мы найдем там прочное материальное благополучие, душевный покой и лучше будем противостоять денационализационному процессу. Некоторые русские круги („Возрождение“ и „Последние Новости“) уже выявили отрицательное отношение, говорят, что они сильно обеспокоены, как бы Колонизационный Трест не увез и не поселил прочно на землю человеческий материал, который может пригодиться для спасения России вообще.

Но чтобы кто ни говорил, вопрос как быть и что делать очень жгучий и ответственный. Надо общее усилие, общий совет и общий разум, а главное дружная работа. Одно ясно, что равнодушно смотреть на свое сегодняшнее положение, довольствоваться тем, что ты сегодня имеешь работу и имеешь возможность выпить бутылку вина и потанцевать в баре, раз в два года сшить модный костюм, и не видеть то, что делается вокруг с его братьями и сестрами, не знать о том, что тоже самое будет через некоторое время и с тобой, — нельзя. Честь и хвала тем, кто так или иначе скопил на черный день, построил собственный уголок, но это не значит, что они не должны думать о других или мешать из личных соображений попыткам хорошего разрешения общего вопроса.

ЖУРНАЛ „УЛАН ЗАЛАТ“ № 3

Этот номер, хотя и издан литографским способом (первые два номера были изданы типографским способом), внешне приятен, чист и опрятен. В настоящей краткой заметке не делаем общего или постатейного разбора (если встретиться на добность, сделаем это в одном из следующих номеров нашего журнала) вышедшего номера „УЗ“, а только даем краткий ответ по существу редакционной заметке о „Новыльных Волнах“.

Суть этой заметки сводится к тому, что редакция „УЗ“ в факте выхода нового калмыцкого печатного органа, с определенным подходом к вопросам политической жизни калмыцкого народа, видит, как будто, положительный факт, но вслед за тем, в сдержанных выражениях, говорится, что появление „К.В.“ основано на недоразумениях, так как основатели и руководители этого последнего являются членами Калмыцкой Комиссии и сотрудниками ее печатного органа „УЗ“, а потому не было необходимости в издании другого калмыцкого журнала, в заключение выражается надежда, что „наши отделившиеся товарищи вернуться... вновь сомкнут свои силы, как и прежде, в рядах „УЗ“.

Редакция „Копыльных Воли“ совершенно не имеет виду начинать полемику с кем бы то ни было, а тем более полемику с „УЗ“ и отвечает на ее заметку лишь только потому, что эта заметка обращена прямо к нам.

Калмыцкая Комиссия, как и ее печатный орган „УЗ“, мы считаем, согласно ее уставу и исходя из опыта всей предыдущей работе, организацией сугубо аполитической, преследующей исключительно культурные цели. Этим и объясняется, что в составе этой организации мирно уживаются люди разных политических убеждений. Так оно и должно быть: люди различных политических убеждений, должны на какой-то почве сходитьсь вместе во имя общенационального. Такой „почвой“ как раз и является Калмыцкая Комиссия и ее журнал „УЗ“. Соблюдая эти условия, Калмыцкая Комиссия сумела в свой состав почти все культурные силы калмыцкой эмиграции. В этом отношении культурное и собирательное значение Кал. Ком. велико. В лоне этой организации, по нашему мнению, могут вмещаться различные политические и иные группы, объединенные работой по культурному национальному фронту.

Так понимая смысл и значение Калмыцкой Комиссии, мы из ее состава не уходим и не собираемся уходить и слова заметки „УЗ“ об „отделившихся наших товарищах“ является, действительно, недоразумением. Как можно говорить об уходе из журнала лиц, статьи коих печатаются в том же номере?

Факт появления „Копыльных Воли“ не является ни недоразумением, ни отделением нас, а лишь свидетельствует о нашем бережном отношении к нашей чисто культурной организации. Что осталось бы от Комиссии, если бы мы все стали бы внутри ее проводить и делать свою политику?

А между тем, мы, руководители журнала „КВ“, представляем из себя президиум Калмыцкой Политической Группы „Хальмак Тангачин Тук“, Группы, имеющей определенную политическую программу по национальному вопросу. Мы считаем, что печатный орган — необходимый атрибут всякого политического течения, партии или группы; он является их мозгом и сердцем, а потому и Группа „ХТТ“ должна иметь свой печатный орган и она его имеет.

Кроме этого, одним из побудительных причин, вызвавших к жизни „КВ“, является то обстоятельство, что мы, находясь в проявлениях своей политической работы в зависимости от аполитичной Калмыцкой Комиссии, принуждены были бы работать применительно к этому положению, т.е. не могли бы четко и ясно выдвигать свою работу в удобном нам направлении без риска вносить каждый раз разлад и раздор в среду Кал. Комиссии, чего мы, дорожа нормальным положением в самой Комиссии, как люди, отдавшие ей не один год активной и плодотворной работы, не могли сознательно допускать.

Правда, редакция „УЗ“ в своей заметке пишет, что „теоретическое исповедание идеи национального самоопределения не было бы серьезным препятствием“. Если теперь это так стало, то мы только можем радоваться, но по прошлой работе мы знаем, что и „теоретическое исповедание“ вызывало некоторое „осложнение“, а потому мы, избегая всяких „осложнений“ внутри Комиссии, свою политику делаем в стороне. Вместе с тем, мы несогласны с редакцией „УЗ“, что „политическая работа среди калмыков в смысле немедленного и безоговорочного самоопределения в настоящее время не имеет актуального значения“. Когда же этот момент настанет? И почему такое разделение: „теоретическое исповедание“ и „практическая политическая работа“? Ведь, вера без дела — мертва есть. А теория без практики?

Появление калмыцкого журнала с определенной политической физиономией, по нашему мнению, является неизбежным, нормальным. Иначе и быть не могло. Никогда национальные силы целого народа не помещались в рамках только одной организации. Везде и всюду, всегда бывает и будут разные группы и партии, но в своей деятельности преследующие одну и ту же цель — национальное благо. Разными путями к одной цели! Мы полагаем, что калмыцкий народ созрел для того, чтобы иметь те или иные политические группы, которые могут входить в контакт между собой для более нейтральных работ, как, например, Калмыцкой Комиссии. Исходя из программы и личных взаимоотношений, мы считаем, что есть все данные, что и журнал „УЗ“ и

„К.В.“ найдут мирное сосуществование под покровом калмыцкого народа и дальнейшее сохранение этих лояльных взаимоотношений всецело зависит от редакции „УЗ“, так как мы, первыми, повода и полемике не дадим. Мы только в необходимых случаях, будучи к тому вынужденными, будем давать ответы, что не может служить препятствием нашего нахождения в составе Калмыцкой Комиссии.

ПОИСКИ СЕБЕ СТОРОННИКОВ ПО ТЕМНЫМ ПЕРЕУЛКАМ.

По поводу „трюка“ газеты „Единый Фронт“

Газета „Единый Фронт“, №5, январь 1931 г. поместила следующую статью — „воззвание: „Калмыкам. Кому из вас неизвестно наше горе и наша тоска по родным станицам и хуторам? Много трупов наложили коммунисты и невинной кровью оросили нашу богатую цветущую Сальскую степь. Еще с малости мы увидели ее красоту и крепко полюбили свой быт. Наши условия жизни были тесно связаны с религией и традициями прадедов. А теперь? Калмыки очутились на чужбине, среди непонятной нам жизни, протекающей в заботе о куске хлеба и не дающей ни отдыха, ни радости. В Сальских степях разграблены наши станицы, поругана Далаламайская святыня, зверски убиты наши старики, женщины и дети. Разграблено все богатство, накопленное тяжелым трудом калмыцкого народа за долгую жизнь... (опускаем несколько ненужных строк)... Всякий из нас помнит хорошо, каким ужасам смерти подвергались наши невинные старики, женщины подростки, ушедшие в неизвестный путь, в отчаянии готовые ко всему, покинув свои дома и хозяйство на произвол судьбы. Сколько мятарств, крови и циничного надругательства видели мы от поработителей России и нашего края. Как при отступлении наших частей, коммунисты захватывали матерей и сестер, насильовали их, не дорубливали или без всякой вины расстреливали. Кто из нас тогда не слышал предсмертные крики, раздиравший душу матери и мольбу о спасении своих детей. Они были к нам беспощадны. Ахединер (братья) и Экциденер (сестры)! ждать дальше нельзя, измученная душа тоской и страданиями не может терпеть разлуку. Мы должны себе вернуть нашу мать-Россию, казачью вольную жизнь, а с ней и свое благополучие. Сложив руки мы ничего не сделаем и лишь только единым помыслом, единым действием, можно пойти против кремлевских негодяев. Мы калмычки (?), кто остался жив — все пойдем с вами. Нужно делать не только словом, но и делом. Мы будем твердо помнить свой эшата-амты (Эшата — месть; амты — народный). (Все об'яснения в скобках самого „автора“)

Под этим „воззванием“ подпись: „Донской казак Андрей Санджикович Мукубенов“.

Мы были бы рады, если такой сознательный, грамотный, способный сам написать такое „воззвание“, с определенным политическим убеждением (даже прямо противоположном нашему!) калмык существовал на свете! К сожалению, этого нет. Все это „воззвание“, очевидно, написано „калмыком“ только для того, чтобы сказать, что „мы, калмычки... все пойдем с вами“, т.е. с „Единым Фронтом“, и о „мать-России“. Все то, что сказано о зверствах большевиков над калмыцким народом совершенно верно, но не верно, что это „воззвание“ написано калмыком. Это утверждение мы делаем на двух основаниях: 1) ни один калмык так не напишет калмыцкие слова, как это написано и об'яснено в „воззвании“. 2) мы знаем всех более или менее грамотных донских калмыков, способных написать такое „воззвание“ и пребывавших в эмиграции. Среди них Мукубенова нет. Есть один Мукубенов в Париже, по словам его станичников, малограмотный (или даже совсем неграмотный), стыдящийся своего калмыцкого происхождения и упорно избегающий встречи с калмыками. Может быть это он дал свою подпись под кем то написанное „воззвание“?

Господа из „Единого Фронта“! Судя по вашим писаниям, у вас много порыва. Но давайте свое дело на правде и при свете, а не ^{на} в темных переулках. Если все ваши статьи пишутся, и все ваше дело делается так, как это „воззвание“, то вся ваша затея медного гроша не стоит. Подписывая себе сторонников по темным закоулкам, все же будьте осторожны!